

Алина Кроткая

ОБНУЛЕНИЕ

сборник

Алина Кроткая Обнуление. Сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22074347

ISBN 9785448343131

Аннотация

Стихи и новеллы о любви.«Не привязывайся. Будь готов потерять всё ежесекундно.Будь готов простить,попрощаться,забытьи завуть.Не привыкай. Твоя жизнь может стать скудной.Может внезапно взять и остыть.Будь готов в любой момент отпустить.И привычку,и город,и человека.Не влипать, не держать, не вращать,Всё вокруг – лишь подобие ветра».

Содержание

«Love is the answer»	8
От автора	8
Стихи	9
Замшевая нить разговора	9
Замшевая нить разговора	9
Как с бывалого фрика	10
Запястья наполнены пульсом, а мысли – тобой	11
Запахом	12
Я пойду за тобой	13
Страус	13
Истошно молчать	14
То ли под одеяло, то ли под дуло	15
Шкура	15
Четыре метра	17
Круг замкнулся	17
Поражение	18
Сопли	19
Воздух переливается разноцветными брызгами	20
Ориентир нормальности	21
Если ты выльешься на меня до дна...	21
В каждую пору	22

Давай потанцуем?	23
Рифмованные истины	24
Не привязывайся	24
Кошмары	24
Hush	25
Гамак	26
Неважно	27
Не суди	27
Путы и магниты	28
Выдумка	29
Закопай	30
Последний крючок	30
Некого прощать	31
Доброго утра, Линн	32
Тепло	33
Безумие	34
Из глаз на колени выльются километры	35
В осень с головой	37
Истеричной драмой	37
На 23	38
Погладить клыки	39
Дождливый джаз	39
В Осень с головой	40
Кресту или молоту	41
Страшный зверь	42
Мир внутри него безнадежно болит	43

А теперь вот давай—ка выдохнем	44
Волосы воспоминаний	46
Маленькая девочка	46
Друг другу	47
Шарманка из правил	48
Оригами	49
Наизусть	49
Фонари	51
Идеальная	51
Алые паруса	52
Самое нежное стихотворение	54
Будда учил...	55
Новая муза	56
У рыжих нет души	57
Буковски	59
Три	60
Вниз с моста	61
Заменяемо	62
Хоккей	63
На бис	64
Невозможно	65
Гостя	66
Доброта	67
Дымом	68
Запястья	69
Лето 2010	70

Я снова жду ночи	71
Каждое слово – стрела	72
Знак препинания	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Обнуление Сборник

Алина Кроткая

Фотограф Павел Костенко

Редактор Алина Кроткая

© Алина Кроткая, 2018

© Павел Костенко, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4483-4313-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Love is the answer»

От автора

Так получилось, что персонажа по имени Алина Кроткая больше нет. Этим сборником мне хочется подвести итоги творчества, которое было создано в рамках этого псевдонима.

Спасибо моей маме, которая всегда и во всём помогает мне.

Спасибо Марине Задубровской, которая придумала имя «Алина Кроткая».

Спасибо всем мужчинам, которые вдохновляли меня на создание стихов и прозы.

Стихи

Замшевая нить разговора 2016

Замшевая нить разговора

Игривой кошкой под французские ритмы
Ластится замшевая нить разговора.
Твои пальцы последовательной молитвой
Касаются тела, будто за словом слово.
И заманчиво качается этот гамак,
Висящий здесь для кого-то другого.
Есть только *сейчас*: эта веранда, влажная крыша дома
И собственная – съехавшая от твоего напора.
Есть эти подушки —
Тайские и твоих пальцев.
Ты убеждаешь, что не играешь в игрушки,
Но напоминаешь из мультика хитрого зайца.
Музыка с маслом воедино сливается,
И Чеширский безумия кот загадочно мне улыбается...

Как с бывалого фрика

С этой веранды, как с бывалого фрика,
Сняли все фенечки и остригли кислотные косы.
Без твоего громкого (совершенно несносного) крика,
Она как мокрые папиросы:
Вроде есть, а вроде и пусто вовсе.

Проводами запутанными пылятся колонки,
Рядом разбросаны воспоминания.
Я запрятала тебя на дальнюю полку
Своего раздражённого подсознания.
И всё совершенно без толку,
Из каждого пустого угла ты привлекаешь внимание.

Я скучаю, как в чистой Европе
По азиатской грязи и быту,
Я скучаю, будто по воплю,
Когда тишиной всё сердце избито.
Ты – русский мат в исламской молитве.
Оспа, которой поры изрыты.
И жаль, что никогда не будем мы квиты.

Запястья наполнены пульсом, а мысли – тобой

Запястья наполнены пульсом, а мысли – тобой.

Бумажный клочок зажат между пальцами
(до исступления смят),

Так спокойнее, так будто бы рядом.

Обычно разум бурлит беспокойной виною,

Сейчас – только тобою, подряд.

Нежностью, а не разрушительным ядом.

Ремни самолета фиксируют крепко —

Воспоминания о твоих сжимающих пальцах

На спуске с горы после рассвета —

Позволить быть слабой, как тонкая ветка,

Ведомой, как в танцах,

Так просто, так сложно всё это...

Ветер на камне, тактичный уход,

Красное солнце над облаками...

Я шла и шла упрямо перед этим вперед,

А после грелась твоими руками...

(Будто мерить море настойчиво вброд,

Но оказаться затем под его волнами).

Только взлёт – и уже посадка.

Незаметно время, когда мысли играют,
Зажимают всё лад за ладом.
...Я жалею об одном лишь украдкой —
Разум, конечно, всё отрицает —
Что в последнюю ночь не ты был со мною рядом.

Запахом

Затягиваться твоим запахом,
Как терпкой сигаретой
(вдыхать до самой бездны сознания).
Проникай в мои ноздри ароматом вкусной конфеты,
Стройся внутри меня, будто высотное здание.
До космоса от самого основания.

Изучать детально твои черты,
Проникать зрачками в линии извилистых лучиков
(про них обычно говорят «морщинки»).

Взгляды целить в тебя, словно десятки лучников,
Но вонзать глубоко, как лезвие финки.
Твои глаза красивей самой иллюзорной картинки.

Дрожью касаться тебя, спрашивать: «Можно?»
Гладить затылок только пальцами правой
(ведь левая так груба от гитары).
Бояться моргнуть – вдруг всё ложно?
Вдруг реальность зальет эту сказку лавой?

Мне кажется, что вся жизнь до тебя была лишь дешёвой газетной рекламой.

Я пойду за тобой

Я пойду за тобой, даже если однажды
всё твое золото обратится пеплом,
Если все блага мира рухнут прогнившим бревном.
Я пойду за тобой попутным и любящим ветром,
И плевать мне, где будет наш дом.

Я пойду за тобой без Москвы, без счёта,
Без машин и офисов, кошельков.
Всё равно, в социальном мире кто ты,
Нет ничего важнее твоих зрачков,
Нет ничего нужнее глаз уголков...

Страус

Отпускает. Как же прекрасно, будто похмелье прошло,
И ты можешь жить весёлым испанцем.
Память на нервах не играет, чуть станет темно,
Будто ноты оставила в старом ранце.

Отпускает. Как цепкие пальцы зимы
При первой же жаркой влюблённости.
И на улицах замёрзших уже не мы
Прячем руки в карманах скромности.

Отпускает. Почти не трогают фото и статусы,
Старые смс и пустые окна.
...Но я всё же похожа на трагичного страуса,
Что прячет голову от своего же вопля.

Истошно молчать

Сколько можно уже истошно молчать?
Корчить лицо в куриную попку
От бездарности, что выходит в печать,
От пошлости, что кидают в эфирную топку?

Проще наряжаться в скепсис, как в блески —
Это модный и новый тон.
Но если *твои* слова ёмки и хлётки,
Почему ты хоронишь их под мостом?
Ну же, иди – голоси серебром!

В истошном молчании нету правды.
Ты бездействуешь. Жалок и слаб.
Слушай, как чужие бездарно надрываются гланды,
Пока ты кидаешь талант свой в мусорный бак.

То ли под одеяло, то ли под дуло

Такой дождь, что хочется то ли под одеяло,
То ли под дуло.

Мой друг уверен – это всё нейронные связи.

Кажется, мне самую душу продуло,

Когда я вышла купить согревающей мази,

Забыв нараспашку грудную клетку.

И теперь ни приятная мазь, ни йодная сетка

Не станут спасательной тростью иль веткой.

...Такой дождь, что хочется выть,

Скрипеть, как форточка петлей.

Шкура

И вот ты – рассудительная, мудрая и скептическая барышня. Столько уже плаваний в кругосветные экспедиции безумия было, что давно знаешь маршрут и то, что, впрочем, всё это – баловство и глупость. Но так хочется дрожи в руках, стихов на полях и бессонных ночей, что однажды снимаешь с себя, как старую змеиную шкуру, весь жизненный опыт и плывёшь, беззащитная и предвкушающая, навстречу глупости и очарованию безрассудства. А шкуру спалила в огне, чтобы не мешала гормонам и адреналину клочкотать внутри.

Это твой разумный выбор: по доброй воле ты становишься уязвимой и молодой.

Четыре метра 2015

Круг замкнулся

Круг замкнулся.

Вечер размазал сумерки по лицу, словно крем.

Ко мне будто бы я вернулся,

Когда я ждать себя уже и не смел.

Фонари столбами изящными

Ложились слоями на гладь пруда.

Круг замкнулся от точки февральско-навязчивой

До дуги, где кончалась весна.

дУги парк обнимали скамейками,

Искренне искры летели из губ.

И слова душили внезапными змейками,

И плевать, что был голос отчаянно глуп.

Фиолетовый вечер остался в оковах песни,

Полночь лилась мне в горло насыщенным молоком.

Эра лжи и болезненной мести

Завершилась рассветным календарём.

Круг замкнулся. Замкнулись пальцы.
Из контекста вырвана ночь.
И стрекозы порхали в попытке вальса
С босоножек куда-то прочь.

Поражение

И тебя проще возненавидеть,
Чем признать своё поражение.
От прочих несёт алкоголем,
От тебя – обаянием в чистом виде,
И каким-то пугающим зноем.
Я бы хотела стать, как неуязвимый Голем,
Кем угодно – даже пчелиным роем,
Но не собой – существом безвольным.

Мне бы по-хорошему встать да уйти,
Не покрываться колючими точками,
Будто по телу бегут муравьи.
Не балансировать между скользкими кочками,
Не стоять на пустыре беспросветной любви.
Но мои каблуки уже возле тебя вросли.

Твоя непосредственность, как седатив,
От неё мои кости размягчаются в вату.
Меня трясёт, будто из позвонка убрали штатив,
И кожу сняли, как латы.

Треугольник твоих губ насмешлив и молчалив,
Пока меня завоёвывают глаза-солдаты.

Сопли

Пишу эти сопли, чтобы высморкнуть тебя из головы.
Но ты противишься и льёшься из носа кровью.

..

Твои скулы на фото, как поводыри
К безумию, что уже трепыхается молью.
Веди меня, Внимательный мальчик, веди.
Вкалывай по пути свой голос дозами боли,
Не церемонься, не береги,
Ты – лилия, а я – Хлоя.

Разрастайся в лёгком, требуй цветов,
Обнадёжь меня иллюзией жизни.
И будто капилляры лопнули по округе зрачков,
Когда, разглядывая тебя, мозг включил ближний.
Давай, своим обаянием всю сетчатку мне выжги!

Я заляпала этими липкими все обрывки бумаги —
Вместо платков.
В твоём шёпоте я до сих пор слышу нервные крики,
А в ресницах вижу удары хлыстов.
Надменный внимательный мальчик,

Ты распатал мою рифму до самых основ.

Как всё же прекрасно, что ты не читаешь моих стихов.

Воздух переливается разноцветными брызгами

Воздух переливается разноцветными брызгами,
Ловлю губами эти атмосферные капли.
Иди ко мне, ступай мягче, будь ближе.
Пусть твои руки будут нежнее кошачьей лапы.
Оставь за порогом и щит, и латы.
Танцуй со мной легче, чем белая пенка на кофе латте.

Давай оставим всю грязь для других,
Весь алкоголь – в бутылках, всю сцену – за дверью.
Разыграй этот вечер и воздух со мной на двоих,
Люби меня. Верь мне.
Пусть стены комнаты станут уютным коконом,
Твои колени – защитой от всех моральных пощёчин дня.
Погладь по волосам, поиграй длинным локоном,
Позволь быть беззащитной и маленькой для тебя.

...Пока воздух переливается разноцветными брызгами,
Просто подари мне немного тепла.

Ориентир нормальности

Я для тебя ориентир нормальности,
Ты – моя самая короткая дорога до мягких стен.
Мои нервы гибнут на баррикадах, не зная жалости,
Отступая и отдавая всё тело в плен.

Игральными кольцами накидываешь грубость
На усталый штатив позвонка.
Ещё можно дышать и даже держаться,
Но под тяжестью крепких слов сутулится непроизвольно
спина.

...Если я твой ориентир нормальности,
Пожалуйста, береги меня.

Если ты выльешься на меня до дна...

«Если ты выльешься на меня до дна,
Такая вся сумасшедшая, я ж захлебнусь.
Тебя нужно дозировать, как воду для кубиков льда,
Иначе я просто боюсь.
Для батарейки любви ты слишком огромный плюс».

Ты делишь меня на порции, как лекарство.

Строго по часам, рецепту и надобности.
Три грамма нежности, как топлёное масло,
Намажешь на душу в качестве шалости.
Но лишь два дня в неделю мне доступны такие радости.

«Если ты выльешься на меня до дна...» —
Говоришь ты и даришь мне мерную ложку.
Первое время я исправно дозирую ею себя,
Но мне впору вызывать неотложку.
Милый, не можешь залпом выпить меня —
Найди по своему горлу бокал и ношу.
А ложку я, пожалуй, подальше брошу.

В каждую пору

Весна врывается в каждую пору, её губы
Танцуют вокруг продрогшего тела.
На всех встречных овалах расплываются дуги,
Я им в ответ улыбаюсь открыто и смело.
Воздух волшебный, я счастливо жмурюсь,
Реальность нарисована разноцветным мелом.
На меня только ленивые не оглянулись.
Прохожие думают – март, но не в календаре
всё дело.
Моя весна началась ещё в феврале.
С твоим появлением резко внутри потеплело.

Давай потанцуем?

Давай потанцуем, но только не телом.
Ведь разум тоже умеет вальсировать.
Легко, интересно, раскованно-смело
В реальности будем пульсировать,
Маневрировать.
Не контролировать.

Без рам, подрамников и формата,
Без имени странного танца.
Что, если эту мазурку подменит сальса,
А рок-н-ролл закончится вальсом?
Главное не складывать ноги в банальнейшем реверансе.
Давай потанцуем. Снимай с мозга лишнее, мыслями
раздевайся.
Включай громче звук. Двигайся. Наслаждайся.

Рифмованные истины 2014

Не привязывайся

Не привязывайся. Будь готов потерять всё ежесекундно.
Будь готов простить,
попрощаться,
забыть
и завять.
Не привыкай. Твоя жизнь может стать скудной.
Может внезапно взять и остыть.

Будь готов в любой момент отпустить.
И привычку,
и город,
и человека.
Не влипать, не держать, не вращать,
Всё вокруг – лишь подобие ветра.

Кошмары

Он с другой полки этого Вселенского Супермаркета.
Необычный состав,
Странное название, эпатажная этикетка.
У него очень специфический сплав
И предупреждающая красная метка.
Он лежит ровно напротив,
Ухмыляясь едко,
Ведь я – покупка для маленьких деток.

...Что общего могут иметь такие товары?
Всё просто.
Когда в Супермаркете гаснет свет,
Им снятся одни и те же кошмары.

Hush

Не рекламируй счастье своё словами —
Не будь уличным зазывалой,
Собирающим балаган.
Зачем тебе любопытные рты, глазницы и уши?
Пусть сидят по своим домам
И в качестве боксёрской груши
Молотят сплетни про чужих мужиков и дам,
А ты своё счастье спрячь глубже
И неси осторожно, как денежный чемодан.

Не пиши афиши и баннеры о своей любви —

Тише... Её не спугни.
Представь, как люди бывают враждебны и злы,
Увидь, как сально смотрят они
На то, что ты сам и зрочками не смеешь ласкать,
На любовь, которую нежно страшишься обнять.
Зачем тебе одобрение зала?
Зачем тебе нужно, чтобы все знали?
Сдирай все свои фоторекламы,
Тебе хорошо? Это главное!

... Чем больше ты о личном молчишь,
Тем прочнее его фундамент.

Гамак

Напряжение в теле, как забитые мышцы после спортзала.
Нервы дрожью костями звенят.
Мир в одночасье сделал тройное сальто
И оказался ранимей новорождённых котят.
Спокойствие от тебя уезжает, как скорый с вокзала.
И, разбрызгиваясь, капли из глаз летят.

Когда в ушах бьётся беды пронзительный возглас,
Когда помощь важнее всех благ,
Когда пол под ногами превращается в воздух,
Становится ясно, кто любит тебя, а кто просто делит гамак.

Неважно

Неважно, какая погода и какой день недели,
Неважно, в Москве ты или собираешься в Дели.
Неважно, сколько в кармане находится денег.

Имеет значение только счастье.
Если оно на пределе,
Тебе всё равно: мороз или дожди на неделю,
Ласкает галька пятки
или одежда шерстяная на теле,
Перебирают пальцы кредитные карты
или мелочь звенит птичьей трелью.

Всё это лишь декорации. Ничто не зависит от их
перемены.
Счастье внутри – вот, что важно
На самом деле.

Не суди

Не суди, не задирай нос, не хвались.
Тебе кажется, что ты поднимаешься ввысь,
Ты успешный и презрительно всем кричишь:

«Брысь»,

У тебя есть деньги, цель жизни и для причала
Мыс.

И ты сочувствуешь всем, кто ниже, чем твой
Карниз.

Это банально, но таков уж мира каприз,
Проходит время, и ты местом меняешься с тем,
На кого сверху смотрел, как хитрый
Лис.

Теперь ТЫ – жалкий ползучий,
Теперь ТЫ падаешь ниц.

«Не суди, да не будешь судим»

Не зря шепчет Библия со своих страниц.

Назови это хоть Кармой, хоть Бумерангом,
Хоть весами Трансёрфинга, главное:
Позволь каждому быть собой,
И лишь для себя одного держи планку.

Путы и магниты

Меня больше не держат ни путы, ни магниты,
Ни привязанности, ни города.

Семь лет кулаки о стены были разбиты,

Семь лет я шла напролом – от нуля до «ура».

А теперь потерялась, стою на пути в никуда.

...Но если в моём мире вдруг закончились спички,
И растеклась вокруг одна темнота,
Быть может, меня из списка не вычеркнули,
А позволили
Написать свою жизнь с пустого листа?

Выдумка

Я выдумала из него Солнце,
И давай требовать, чтобы светило, и ловить жадным ртом
лучи.
Из другого я выдумала Мать Терезу и колотила в его
оконце,
Моля дать от очередной проблемы ключи.

Я выдумывала любимых, подлецов и актёров.
Они в свою очередь придумывали для себя меня.
И ничто, наверное, не порождает больше душевных
споров,
Чем вопрос к стеклу с серебром «Кто я?»

Но всё это никчёмные разговоры,
Ведь на самом деле мы выдумываем и самих себя.

Закопай

Если в доме лежит труп, надо быстрее хоронить.
Убрать все его вещи.
По возможности, не говорить
о нём,
не бередить
пустоту души словесным огнём.
Потерпеть. Пережить. Перевыть.

Если в голове лежит боль,
закопай.
Она разлагает собою тебя.
Не дает твоим мыслям рай.
Перестань её культивировать,
выращивать, как диковинный хлам.
Прошлое – это труп. Достань лопату и раскидай
по своим местам.
Да, жалко закапывать.
Но ведь мёртвых мы не храним по домам?

Последний крючок

Этот город вытаскивал крючки из-под моего ворота,
Отцеплял сведённые пальцы, по одному.

Всё, что было близко, важно и по-настоящему дорого
Уходило в размытую импрессионистскую мглу.

Приглядеться – видны очертания,
Отойти – застигает картину туман.
Вся некогда важная жизнь как забытое знание,
Все любимые люди разошлись по своим делам.

Рушатся пазлы из некогда собранных улиц,
Сыплется карта мостов, мест и маршрутов.
Я, как потерянный ошалевший безумец,
Которого из дома выгнали утром.

Этот город вытащит через неделю последний крючок.
Отпустит обратно в пустое море, с ссадиной от укола.
Находясь в объятиях его долгий срок,
Так жутко слышать его прощальное слово.

Некого прощать

– Он сделал мне столько зла!
Сердце разбил и до ручки довёл!
– Нет. Всё это ты совершила сама,
А он рядом лишь брёл.

Ты сама довела себя до истерик,
Он не виноват, что тебя не любил.

Ты сама продала себя за бесценок,
А он выгодно всего лишь купил.

Повзрослеешь, когда поймёшь:
Обижаться НЕ на кого, кроме себя.
Предательство, безразличие, ложь —
Ты сама убежала туда.

Люди не причиняют друг другу боль.
Никто никого не заставляет страдать.
Ты или мученик или герой —
Вся «соль» в том, что это тебе выбирать.

Доброго утра, Линн

Его голос шёлковым платком
Ложится на мои дрожащие лёгкие, обволакивая их собой.
Прогуливается осторожно по нервам, ласковым
ветерком,
И делает тише тревожный сердечный бой.
Он действует лучше всех седативных, обезболивающих
и энергетиков,
Накрывая от бед с головой.
И вкуснее пирожных-конвертиков
Его слова: «Маленькая Линн, я с тобой».

А когда он вдруг о морали и принципах жизни,

Я ощущаю себя решетом.

В этот момент его слова очищены то ли святым, то ли
ведьминым

Серебром,

Он их просеивает сквозь мою ржавую накипь, налипшую
на мерцающий

Хром.

Так и хочется звякнуть о землю, как старый Лом.

Но тут он говорит: «Маленькая Линн, я всё равно
с тобой».

Чтобы его обрести, мне стоило год учиться дышать

Подо льдом.

А потом высунуть голову, и увидеть, что он всё время
стоял на нём.

Открыть ему вход в каждый кошмарный сон

И обнаружить: живой, не фантом.

Он оставил от моего имени самое сердце,

Обрезая лишнее,

Как корки сыра, ножом,

И он единственный мне, как мантру, пишет

«Доброго утра, Линн» день за днём.

Тепло

Ты можешь просить у других тепла.

Умоляющим взглядом, чувственными словами.

Ты можешь использовать людей вместо огня,
Но будешь вмиг замерзать, отойдут едва ли.

Ты будешь в страхе хвататься за воздух,
Заставлять их чувствовать себя виноватыми.
Они, конечно, останутся и расскажут о звёздах,
Но их пальцы вдруг станут прохладными.

Их будет много: огней, каминов,
обогревателей и разных печек.
Но ты никогда не сможешь стать жарко-счастливым,
Пока не поймёшь истину, которая лечит:

Тепло нужно искать только *внутри себя*,
А не в друзьях, любовях и первых встречах.

Безумие

Сердце колотит где-то в районе горла,
Руки дрожью отбивают по клавишам ритм.
Адреналин стартовал безбашенной гонкой,
И в предвкушении ниже рёбер саднит.
Я человек, бегущий на тот самый рейс,
Который возглавит крушений топ-хит.
Вселенная против,
Но меня тянет сверхсильный магнит.

Решение принято, обжаловано, упущено и вновь
«Добро пожаловать».
Сердце пакует себя в чемодан,
Прячет под молнию, чтоб не достали,
И Душу зовёт в соседний карман.
Мозг отрешенно смотрит, а потом Адреналину:
«Давай, паразит, наливай
По тысячи грамм.
Она ведь у нас с приветом,
Лучше заблаговременно уйти в хлам.»

...И только Безумие уверенно шествует по раскалённым
углям.

Из глаз на колени выльются километры

Из глаз на колени выльются километры.
Всхлипы, стуком колёс, разнесутся эхом в осеннем доме.
Драма финала (иль всё же эпитафия?) в колокольном
звоне
Голову уронит на соль ладоней.

О невстречах и о несбывшемся
Строчки напишутся в новые главы.
В моей жизни, наверное, было столько излишества,
Что теперь мне не дали необходимого малого.

Время разбирать недособранный чемодан,
Выдёргивать за уши из него мечту,
Тащить авантюру, залезшую в боковой карман,
И запирать в него утреннюю пустоту.

Спущенным мячиком вяло прыгает сердце,
Дрожащие лапки вверх. Я сдаюсь.
Я никогда не узнаю теперь, что было бы «если»,
И семенит за мной босиком усталая грусть.

В осень с головой 2013

Истеричной драмой

Истеричной драмой,
рваным финалом,
страстью,
разодранной в лоскуты.
Наш роман не измерить
в стандартных граммах,
для меры такой ещё изобретают весы.

Из сердца распоротого летят
перья тоски,
заполонили всю комнату под гитарные струны.
Мы были с тобой
настолько близки,
что души друг другу кусали грубо.

Нежность на грани боли,
крики – до хрипа,
ласки – до комы.
Палачи и ангелы, поцелуи до крови.
От ледяных ладоней

на московском перроне
до животной бури июльским зноем.

Тебя коробят мои
рваные ритмы,
меня – твои архаичные слоги.
Мы всегда с тобой
будем квиты
в ненависти вперемешку с любовью.

На 23

Свалился на двадцать три,
В центре Москвы,
Там, где исполняются все желания,
С медным молотом на груди,
Истеричкой на заднем и томиком Фрая.
Подарком неба, истинным знанием.
Приехал, по переулкам города и жизни блуждая,
Столько лет ждала я.

Свалился такой, будто по выкройке,
По линейке, по всем заказам и всем мольбам;
С громким мотоциклетным рыком,
В чёрной жилетке,
Подходящей так к сапогам,
С волчьим оскалом,

Кольцами дыма и голосом, мАнящим в рай.
И я смотрю на него, как на мираж,
Только бы не исчез, не пропал...

Погладить клыки

Погладить клыки, сунуть в пасть беззащитный палец,
Поцеловать в макушку, нежно глядя в глаза.
Отдать весь свой страх и всю свою слабость
На растерзание мнимого палача.

И всё гладить клыки, исцарапав руки,
Камень точит вода, а боль смягчает тепло.
Слушать всю ночь хриплого голоса звуки,
Распивая джин, а не сухое вино.

Смотришь в глаза – так же дик, но уже не кусает,
Так же рисуется вожаком.
А ты смертельно боишься понравиться,
А потом нечаянно ударить его ножом.

Дождливый джаз

Дождь целует в прозрачные лобовые,
И строптивым хлыстом по колёсам.

На тротуаре пустом мы одни:
Прутья ливня мешают и звездам.

Ты поёшь «восьмиклассницу»,
Держишь за пальцы,
Держишь ревность свою под уздцы,
А я кричу про былые любви в ритме дождливого танца,
Но с упоением глажу губами губы твои.

И нет зеркала краше, чем мокрый асфальт,
И не сделать красивее фото,
Чем когда твой волчий оскал
Перестает со мной быть минорной нотой.

Дождь целует меня в ресницы,
Я нарочно их напоказ.
Это счастье даже не может присниться:
Я иду с тобой за руку
Под дождливый джаз.

В Осень с головой

Наш роман можно назвать
«В осень с головой».
Мы оба знаем, что всё проходит,
А я и вовсе будто последний вор:
Знаю, что кисти потом отрубят,

Но всё равно тащу упорно добро в свой дом,
Ворую улыбки, вздохи и прикосновения под проливным
дождем.

Пока мне всё сходит с рук,
Но удача однажды капризно пожмёт плечом.

Наш роман можно назвать «аллергеном»:
В таком количестве мне тебя совершенно нельзя,
Но я псих,
Поглощаю эмоции, чувства и фразы
В масштабах опасно больших.
Я таскаю тебя в каждый свой стих.
Потом будет боль, врачи, таблетки
И изморозь на глазах моих.

...Но всё это будет потом,
А пока мы делим сентябрь один на двоих.

Кресту или молоту

А ты не знаешь, кресту или молоту,
Двум рыжим – одной, что нечаянно,
Второй, что ушла,
Богу ль, Вселенной, а может и чёрту
Молиться за его внимательные и любящие
глаза.

И то ли в овации, то ли в ноги,
То ли губы – губами,
То ли колени страстно обняв,
То ли любоваться зажатými всеми ладами,
То ли жадно ласкать, гитару отняв.

То ли всхлипами на подпеве,
То ли ручку быстрее и блокнот,
То ли в зрачках его, как во хмеле,
То ли восхищенно смотреть ему в рот.

...А ты до сих пор не знаешь, кресту или молоту,
Совпадениям, судьбе иль рыжим томам,
Ливням августа или февральскому холоду,
Шептать «спасибо», сидя с ним по ночам...

Страшный зверь

Страшный зверь перед зеркалом
Обрезает клыки.
Равняет их аккуратно пилкой.
В глазах у безумного столько тоски:
Не обманешь природу настойчивой жилкой.

Страшный волк перед зеркалом упрямо меняет свой вой,
Учит собачьи гаммы и скороговорки.
Но голос хриплый и всё такой же злой

Не исправят упражнения звонкие.

Страшный волк перед зеркалом уже вторую неделю
Каждый вечер упорно меняет свой вид.
А на утро снова клыки на пределе,
И вой на всю округу стоит.

Каждый вечер волк надевает такую маску.
Как ещё? Он боится ЕЁ напугать.
На ночь читает ЕЙ ласково сказки,
Врёт, что домашний, и что с ним можно играть.

Но маска под утро подлю слетает,
И девочка от страха начинает рыдать.

Страшный зверь перед зеркалом вновь обрезает клыки...

Мир внутри него безнадежно болит

Мир вокруг него непрерывно болит,
Декорации рассыпаются на молекулы,
Воздух смертельно простужен и кровоточит,
Боль безнадежно стекается в лужи,
И никакой рунический щит
Не спасёт от внутренней стужи.

Он примеряет улыбки,

Едко шутит и веселит,
Он, как смертельно больной человек,
Который пытается убедить родных,
Что врач ошибся, и он будет жить,
И что сейчас он так, для прикола,
неподвижно лежит.
... Часы посещений окончены,
Руки бессильно падают вниз.
Спектакль прошёл,
Он опускает занавес
Уставших кулис.

Он приходит ко мне, а я, как безумный химик,
Кричу ему, что нашла лекарство,
И он не умрёт!
Я колю ему тройную порцию нежности
И убеждаю, что всё пройдет,
И мы будем вместе за годом год.
Он делает вид, что верит,
А я пытаюсь раскрасить его
Оставшийся срок.

Мир внутри него безнадёжно болит...

А теперь вот давай—ка выдохнем

А теперь вот давай-ка выдохнем,

Ты можешь затянуться привычными крепкими,
А я пока вытасу из лёгких булавки и скрепки,
Слишком больно дышать, засели внутри очень крепко.

А теперь вот давай без истерик, по-взрослому,
Взвешенно и спокойным тоном
Надиктуем последний абзац нашей повести,
Ты запьешь его колою.
И вобъём его в стихотворный роман осиновым колом.

А теперь вот давай без сказок, надежд и липовых
обещаний.
Признаем, что не получилось,
Поскорбим на прощание.
Ты прости, я пыталась, но в итоге осталось только
Отчаяние.
Я вся исполосована твоим непониманием.

А теперь вот давай без ругани, без скандала.
Представим, что мы в коридоре больничном,
Где наша любовь умирала.
Врач вышел, грустно развёл руками:
«Мне очень жаль, но её нет больше с нами».
И нам ничего не остаётся, как молча поникнуть плечами.
Прости, но мы стали друг другу лишь палачами.

Волосы воспоминаний

Я отчаянно цепляюсь за волосы воспоминаний,
Тяну их руками, как моряк шевелюру девки портовой.
Яростно, с хрипами,
Изнемогая,
Просачивая сквозь пальцы,
Прижимая к себе по новой!

За окном не щебечут, а крикают птицы,
Кровать – вместо адовой сковородки.
Моя летняя ночь «весела», как последние часы
Самоубийцы,
Я внутри себя проорала уже всю глотку.

Я вытягиваю из водоёма нашей любви,
Заросшего от негодности тиной,
Воспоминания, лежащие устало на дне плетьюми,
И отчаянно даю им красивое имя.
...Я знаю, что всё уже позади,
Но позволь мне подержать воспоминания
За волосы длинные.

Маленькая девочка

Наш маленький мир разлетается сотней осколков,
Рушатся все мосты.

Я маленькая девочка. Я стою, испугавшись, в сторонке.
Ты куришь. Я кричу испугано: «Прекрати!».

Наш уютный и прекрасно подогнанный мир
Сыплется, как соль из пакета.

Я маленькая девочка. В моем платье уже сотни дыр.
Ты кидаешь вниз зажжённую сигарету.

Наш чистый мир обрастает слоями боли:
Его покрыла сплошь липкая глина.

Я маленькая девочка. От твоей сигареты пожар плюёт
зноем,
Я бегу потушить и нечаянно подливаю бензина.

Друг другу

Тишину на этой кухне можно рубить с плеча,
отталкивать руками, как плотную воду.
Прикрывающие спины друг другу
от бед, как от ножа,
мы можем рассориться в прах из-за банальной
посуды,
из-за фильма, книги и разных взглядов
на Будду.

Так странно: мы целуем нежно друг другу глаза
и вгрызаемся же в глотки друг другу...

Шарманка из правил

И мы оба знаем,
что Вселенная крутит шарманку из правил:
в любви чёткий план необходим.
Писать – три раза в неделю,
видеться – только один.
Но к чёрту все грамоты и весь расчётливый мир!
Какая логика, если он мной безумно любим?

Мы оба знаем,
что вес слов – тяжелее камня,
что фраза – не маленький воробей.
Но я заглядываю в зрачки глаз самых главных,
И повторяю «люблю» твёрже всё и сильнее!
Пусть это опасно, как в аду десятки чертей.

И мы оба знаем,
что на небе кто-то перевернул часы,
что нам отпущен какой-то ничтожный срок.
...Я ставлю чувства свои на весы,
цельюсь в разум и спускаю курок.

Оригами

Кто-то до предела выкрутил громкость,
Я надрывно кричу, но не слышно ни звука.
Я помогаю себе жестами, выламываю руки,
Но получается трагическешно,
Как у сельского комика пантомима глупая.
Я хватаю воздух: не по-майски за окном горячо,
Пересохшие губы открываются жутко.
Мне кажется, вокруг меня стеною стекло,
А я за ним – брошенная кукла.

Не тряпичная, не плюшевая, не пластмассовая.
А из когда-то белой бумаги,
Японская оригами.
На эту игрушку никто и не обращает внимания.
Похожа на лягушку,
Которая надета на пальцы
И рот открывает.
Все в детстве в такую играли.
Вот и он потешился, руки размял,
И теперь новой купил бумаги.

Наизусть

Ты не дотрагиваешься до него,
Но пальцы знают каждую пору,
Как любимое стихотворение.
И тебе не нужно точек опоры,
Чтобы ощутить подушечками его настроение,
И скрытое изящно волнение.
Чтобы оскорбить его кожу излишним прикосновением.
Памяти тела не требуются подтверждения.

Ты тянешь к нему вместо рук зрачки.
Гладишь ими его заросшие скулы...
Дотрагиваешься до скрытой под майкой груди...
Остаёшься на ней медлительным поцелуем.
Между вами метр почти,
Толпа заходится шумом,
Руки к холодным поручням приросли,
Вы не сказали и слова друг другу,
Но в этих ласках излишни губы.

Ты помнишь его наизусть,
И сотни раз про себя повторяешь по кругу.

Фонари 2011—2013

Идеальная

Прекрасно готовлю,
стильно одеваюсь.
Красивая,
истиной женщиной быть
стараюсь.
Не истерю,
почти не ругаюсь,
посуду не бью,
дома жду
и сдержанно улыбаюсь.
Такая вся идеальная,
ты же знаешь...
«Я люблю тебя, —
уходя, вновь кидаешь,
— Я не смогу без тебя», —
и вновь изменяешь.

Я прекрасно готовлю,
но всё остывает.
Ведь ты там, где лапшу

кипятком заливают,
где суп-минутку лишь варят.

Ты говоришь, что
классно я одеваюсь,
а сам идешь к той,
что в темноте наряжалась:
всё вразнойбой:
зелёная майка,
синие джинсы и
красный зонт.

А я вся такая красивая,
хоть вой.

Ты говоришь, что я идеальна —
«В ЗАГС бы с тобой!»
...И вновь ночью
не приходишь домой.

Алые паруса

Алые паруса на твоём корабле
Стали серыми —
Смылась краска.
Я в открытом твоём окне,
На тринадцатом,
Без опаски.
Я в каком-то живом полусне,

Где солнце так медленно гасло.
Слишком много романтики,
Так сильно похоже на сказку.
Москва вместо райского сада,
Полнолуние слишком ласково.
И мои дрожащие плечи —
В 4 утра Москва
Холодна и ненастна,
В 4 утра Москва так прекрасна...
Ведь рядом ты,
И время не властно.
Или тот склон:
Под ногами трасса,
Позади монастырь,
Впереди закат бурно красный.
Чуть дальше набережная,
Вода колышется вальсом,
Ты держишь за руку —
Небо, сжался!
Какой-то внезапный праздник!
Побеги из недр автобуса
Память дразнят,
О музыке разговоры,
Суровый Оззи
У тебя на балконе
Нежно так тянет гласные.
Снова вместе рассвет,
Снова сплетаются пальцы...
Хватит.

Включи в сознании свет,
Вспомни, что было дальше.
Алые паруса на твоём балконе
Бессонным утром нашла.
Алые паруса. Твой корабль тонет.
Я книгу на память себе забрала...

Самое нежное стихотворение

Хочешь, я напишу тебе самый нежный
Из своих же стихов?
Переплуну себя же в плетении рифмы,
Брошу вызов тому доброму,
Что писала ему в дорогу.
Я буду пробираться сквозь тьму
Букв, предложений и всех
Порогов.

Хочешь, я расскажу тебе,
Каково это – быть любимой тобой?
Быть окутанной в мягкий кокон из ласки,
Это как варежки лютой зимой,
Как подснежники те – из сказки.
Это утром просыпаться —
пусть даже одной —
И строить из улыбки гримаску.

Это как ...уверенность, что дома ждёт мама,
Что скоро будет весна,
И пройдёт февраль.
Знать наизусть, что до боли нужна —
Вот самая лучшая из всех мелодрам.
Это не может почувствовать ни один наркоман...

Хочешь, я расскажу тебе,
Как Земля вдруг тормозит,
Как люди вдруг замирают,
Как время не идёт, и часы не моргают,
Когда мы вдвоём смотрим\курим\молчим\играем.
Нужное подчеркнуть карандашным краем.

Хочешь, я расскажу тебе,
Как ничтожны все штампы и ярлыки?
Какая разница – подруга, жена,
Когда держишь обе мои руки?
Какая разница, что прошло месяца три?
Ты меня только ...люби.

Хочешь, я напишу тебе самый нежный
Из своих же стихов?..

Будда учил...

Будда учил: не привязываясь,

Ибо не навсегда.
Надо распечатать эту фразу
В формате А2.
И на самое видное место,
Чтоб впивалась в глаза.
Может хотя бы тогда
Я не буду думать,
Важна ли я,
Нужна ли я,
Ненормальная.
Может тогда...
Перестану видеть в каждом
штрихе тебя,
Перестану освобождать выходные
Для...
И надежду коварно-лживую
Пинком от себя.
Будда учил: не привязывайся.
А я хочу каждое утро видеть
Твои глаза.

Новая муза

Здравствуй, новая Муза.
Смотри: вот дверь в мою душу.
Заходи, раздевайся,
На кухне есть груши.

В общем, располагайся.

Ты надолго?

На час? На неделю? НА год?

Переночевать или вместе до рук костлявых?

Тебе раскладушку иль на моём диване?

Оставишь ли щётку в ванной?

Ты подумай, а я за чаем...

Хотя, ты знаешь...

Я немного вперёд поспешила,

Прости, что тебя не спросила...

Я тебе тапки уже купила,

Я на диване своём уже постелила,

И щётка новая в ванной,

А на столе дубликат тот самый:

От упрямой, непостоянной души.

Это, Муза, твои ключи!

Пожалуйста, останься,

В ней поживи

До следующей хотя бы зимы.

У рыжих нет души

Докатилась:

Пишу стихи на страницах

Сопливой книги.

Нет блокнота,
А мысли мне череп
Пилят.
Нет ЕГО,
Рядом только толпы
крикливых.
Хватит. Стоп. Здесь нет
Линованных линий.
А мысли снова
вбивают клинья.
Наберите «03» —
Мозг срочно в клинику!
Две недели превратились в ничто.
Из-за его карих
линий.
Две недели как будто сто,
И не летних, а лютых,
зимних.
Ты знаешь, сколько я
рифмовать пыталась?
Выдернуть буквы занозой из кожи?
Сколько черновиков в сумке
осталось?
Салфетки, блокноты, и
Книги тоже!
Горе тому, кто читать её будет
позже.
Вместо печатных букв —
В метро дрожащий почерк,

Влюблённый корявый росчерк.
Сердце, чего ты хочешь?
...А пусть колотит,
Пусть воет,
Пусть сожжет изнутри
этим зноем.
Зато любит.
Зато и у меня стало
живое!
Зато плено нежностью и тобою!
А то «У рыжих нет души.
На костер её! Ведьму!
Души!»
Я влюбленности меняла на
ржавых монет гроши.
Я доброты не знала —
Только конвейер.
Быстрее. Спешу.
...Ты очень нравишься мне,
Хоть и не знаешь,
что посвящаю тебе стихи.

Буковски

Буковски сказал, что легче
Писать про бл*дей,
Про порядочных женщин сложно.

Вот и мне проще плевать ядом,
Вот и мне про тебя писать невозможно.
Вот и ты выбиваешь прочь
Из выкройки,
Вылезаешь вон из
привычного контура,
Вываливаешься из шёпота криком,
Таким юным и радостно-звонким!
А ты такое яркое, 20-летнее,
Такое настоящее солнце.
А я привыкла к моральным калекам,
Собрать коллекцию из уродцев...

Три

Их три:
Три разных цвета,
Запаха,
Имени...
Один всё врёт о любви,
Другой влюбить мечтает насильно,
А третий – герой моего личного фильма.

Один знает каждую клетку,
Название любимых духов,
Он проводил со мной каждое лето
И ловил поцелуи на дне зрачков.

Мы делим квартиру и серую ветку,
Но давно просыпаемся врозь.

Другой знает лишь то, что я говорила,
Знает, чем пахну,
Но не знает, какими.
Держит за руку,
Тащит куда-то сильно,
Настойчивый, дерзкий,
Шепчет в трубку: «Люби меня».

С третьим всё интереснее.
Знает меня лишь в орфографии,
Случайных ошибках
И по фотографиям.
Ему нравится моё имя,
Он не знает чем, пахну,
И что ненавижу лилии,
Но знает обо всех моих страхах,
И только его я хочу утром
Шептать по имени....

Вниз с моста

Мне страшно.
Я будто падаю вниз с моста,
Со здания.

Вываливаюсь из привычного мне
сознания.

Мой разум сопротивлялся,

А потом будто замер.

Я целый вечер с тобой смеялась,

Над собою смеялась:

Над наказанием.

Вот и на меня управа нашлась,

Вот и мне заломали ЗА спину руки.

По дерзости будто проехал камаз

Под милого голоса звуки.

А по надменности словно стреляют из лука...

Пока ты рядом не страшна никакая скука.

Пока ты рядом – есть только сладкая,

Невыносимая мУка.

Заменяемо

В этом мире всё заменяемо:

Шоколад – на плитку для диабетиков,

Золото – на бижутерию,

Рафинад – на сахар в пакетиках.

В этом мире всё заменяемо:

Те же руки, и губы, и те же плечи.

После всех расставаний

Нас ждут новые встречи.

Стоп.
Не ври себе.
Не становится легче.

Замена – лишь бутафория,
Подделка оригинала из бледной моли.
Руки чужие душат, как лилия Хлюю,
Гладят нежно, а я чуть не вою.

...Ведь ты как золото высшей пробы,
Как настоящее солнце, а не лампы дневного.
Как рафинад, а не дрянь из колбы,
Как шоколад с молоком альпийской коровы.

Только ты можешь тепло дарить,
Другие хоть в сотни раз будут нежны,
Но, это как в переходе «Диор» купить:
Пустая замена, и стоит гроши.
Отойдите.
Вы просто смешны.

...В этом мире всё заменяемо.
Но только не твои губы, руки и плечи.

Хоккей

Ты появляешься, и я вновь улыбаюсь.

Будто у нас важный матч,
Я вратарь, а ты полевой.
Будто я отбила все шайбы,
Будто я отстояла на «ноль».
Но будем честны:
Счёт под угрозой,
Я совсем не умею играть с тобой.

Ты появляешься, и я вновь задыхаюсь,
Будто клюшкой под рёбра,
Будто шайбу в ворота сердца,
Красный фонарь горит за спиной,
И мне уже некуда деться.
Ведь если ты полевой,
То я вратарь просто детский.

На бис

По ночам меня часто било температурой курортов,
Несмотря на Сибирь и избыток льда.
+39, аномальный жар дымился в больных аортах,
Но я кричала не скорую, а тихо звала тебя.
Ведь ты поднимался со мной на все эшафоты,
Трапы и поезда.

Когда самолётные крылья впивались в полночь,
А нос железный всё целил вниз,

Я лишь твою руку звала на помощь,
Цепляясь в неё испуганно, как тюль за карниз,
Ведь только ты успокоить можешь,
«Держи меня за руку» – таков был полгода девиз.

...Пожалуйста, держи меня за руку,
В жар, испуг или просто на бис.

Невозможно

Я снова встречу тебя
Без ругани, брани,
Дрожащими уголками храбро:
«Снова с ней?»
«Снова в ней?»
Славно.
Раздевайся, мой руки,
Я сделала грудки.
Уже кормила?
Суп-минутка?
Молодец твоя сука.
Я снова?
Прости, не сдержалась.
Что с пальцами?
Слегка разломались:
Суставы ломала,
Пока ты задержался,

Развлекался.
Нет, не ругаюсь.
Мы же
Расставили закорючки
Над словом бранным.
Хватит. Стоп. Не трогай руками!
И вообще я в ванную.
А в ванной давно нет слёз,
А в ванной вода из-под крана льёт.
Всё.
Нелепый круговорот.
Истерики, нервы, слёзы
Теперь привычны, не гложат,
Теперь обычно – как по дорожке,
Накатанной
Ложью,
Которую ложкой
Пихаешь мне в рот.
И даже не понемножку.
Жалкий круговорот,
Жалкие розги.
Стоп. Закрой рот.
Невозможно.

Гостья

До боли знакомое место...

До боли знакомая дверь...
И вновь нервы натянуты леской,
Когда я стою перед ней.

То же кресло... *Теперь* не твоё...
Тот же замок крутят пальцы *чьи-то*.
А мне по привычке дышать тяжело,
Будто вскрыты лёгкие бритвой.

Эти знакомые стены
Пропитаны насквозь твоими словами.
И замок на этой двери
Раньше *Я* крутила руками!

Я сюда приходила *к тебе!*
И от дрожи сердце падало на пол...
Теперь роль гостыи приготовлена мне
Под чужим равнодушным взглядом...

Доброта

После тебя хочется сделать
тату доброты,
Хочется в душЕ переклеить обои
в цвет теплоты.
Хочется, чтобы не было боли,
И тебе снились только

светлые сны.
Хочется просыпаться с тобою,
Смотреть на царапины
загорелой спины,
Гладить и думать:
«Только бы пальцы были нежны,
Только бы пальцы были нежны...»,
И видеть мысленно знак
Доброты.

ДЫМОМ

Россо вперемешку с уральским ветром
Облизывал терпко язык и горло,
Кольцами дыма дразнились губы,
Вокруг всё тихо и сонно.
Мы вместе, хоть и заказывали два номера
Соло,
И песня «Ночных» той ночью по десятому кругу.
Люди за стёклами кутали кости в шубы,
А мы всё переплетались, как косы, друг с другом,
Пальцами, мыслями —
До испуга.

Кольца дыма кружили, как вьюга.
А я мечтала занять их место,
Чтобы так же нежно

ласкать
твои губы.

Запястья

«А тебе кто-нибудь
Целует запястья?
Кроме воспоминаний февральской ночи,
Кроме собственных губ средоточенных,
Обкусанных и кровоточащих.

А тебе кто-нибудь
Целует запястья?
Кроме погоды этой ненастной,
Карябая кожу в красный
Уколами льдинок страстных.

А тебе кто-нибудь
Целует запястья?
Так, чтобы, нежно дыша на кожу,
Губами был путь проложен
Туда, где пульс бьётся сложно.

...А тебе кто-нибудь
Целует запястья?» —
Спросила сама себя.
«Кто-нибудь,

кроме погоды ненастной
И воспоминаний того февраля?»»

Лето 2010

Звёзды на небе, маяк как звезда.
Озеро похоже на море.
Мы в центре этого сна,
В середине остывшего зноя.

Лето, +40, жара,
Вода кипящим котлом бушует.
Но ночь вступила в права,
И дала нам сказку такую.

Мы в центре с тобой одни,
И будто одни во Вселенной.
И лишь по кругу огни
Стали нашим счастливым пленом.

Теперь всё иначе, хоть тоже жара,
И год пролетел едва ли.
А у тебя скоро будет жена,
И я другого целую ночами.

Всё иначе, всё пронеслось
И затихло так быстро-быстро.

И у каждого новая ось
На странном графике жизни.

Звёзды на небе, маяк как звезда,
Озеро похоже на море...
Я часто сижу у окна,
Вспоминаю то лето с тобою...

Я снова жду ночи

И я снова жду ночи,
Свернуться клубком в тишине,
Расстаться до утра с горечью
Или спрятать её в себе.

Я снова жду ночи —
Передышку меж растерзанных дней,
Невысокую кочку
В кровавом болоте соплей.

Я снова жду ночи...
Под одеялом недвижно лежать.
Все страхи выкинуть прочь,
Под подушку мысли убрать.

Каждое слово – стрела

Каждое слово – стрела,
В каждой фразе – упрёк.
Ты не переносишь меня,
Как в праздник присланный гроб.

Ехидство повсюду, скепсис в глазах.
Презрение в каждом вдохе.
Будто воздух в ядовитых парах,
И я виновна в этом подвохе.

Мой голос, как скрип половиц
Для вора в ночи.
Мой голос – сотни ржавых петлиц
В мерзком визге двери.

Моя улыбка глупа и нагла,
И я сама, как табуретка, глупа!
Мне в искусстве ничто не надо:
Для галочки пришла я сюда.

...И страшна не эта вся клевета,
Страшно, что такой ты видишь меня.

Знак препинания

Какой самый неважный знак препинания?

Заменяемый самый?

Ненужный самый?

Незаметный во всём романе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.